

A man with short brown hair, wearing a black leather jacket over a black shirt and tie, is shown in a high-tech environment. He has cybernetic enhancements on his face, including a large, intricate device on the right side of his head and neck, and on his hands. He is wearing dark sunglasses and looking down at a device in his hands. The background is dark with blue and green lighting, featuring a computer monitor displaying a circular graphic and various cables.

Николай Стэф

**Ловушка
сознания**

Николай Стэф

Ловушка сознания

<https://litres.ru/74604514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алекс — наёмник, который давно перестал быть человеком. Его тело это набор инструментов необходимых ему для работы. Долги, одиночество и чужие тайны — всё, что у него осталось. Последний заказ выглядит просто: проникнуть в секретную лабораторию на затерянном атолле Ва-Руа и вынести технологии.

Но на острове его ждут. Здесь, под восемью уровнями бетона, спрятан обломок чужого корабля и устройство, способное изменить всё. А ещё здесь его ждёт Дэн — друг, который когда-то обещал вернуться и не вернулся. Человек, который предал его однажды и готов предать снова.

Когда инопланетная установка срабатывает, сознание, единственное, что остаётся от Алекса. Теперь он невидимка на вражеской базе. И единственный способ выжить — стать тем, кого все видят, но никто не замечает.

Фантастический триллер о предательстве и о человеке, который отказался исчезать.

Николай Стэф

Ловушка сознания

Глава 1

Орбитальная станция «Аврора-7» была красивой.

Это первое, что Алекс о ней подумал, когда увидел её в иллюминаторе шаттла. И это же он подумал сейчас, лежа на диагностическом столе и глядя в белый стерильный потолок. Красивой. Как бывают красивыми дорогие вещи, которые тебе не по карману.

Станция висела на высоте четырёхсот двадцати километров — низкая орбита, почти касание. Огромное кольцо-тор диаметром в двести метров, соединённое с центральным цилиндрическим ядром шестью спицами. Зеркальные панели на внешней оболочке отражали солнечный свет, и казалось, что станция сделана из жидкого серебра. Внутри кольца — гостиничные номера, рестораны, спа, бассейны с видом на Землю. И парк. Настоящий парк с настоящими деревьями — генетически модифицированными, но всё же живыми. Деревья стоили дороже, чем некоторые города на Земле.

Алекс знал это, потому что интересовался. Не из праздного любопытства — из профессиональной привычки. Всё, что стоит дорого, стоит того, чтобы знать, как это устроено.

Вид на Землю отсюда был... Алекс не любил пафосных

слов. Но других не находил. Голубая планета занимала половину иллюминатора, медленно поворачиваясь. Облачные вихри. Континенты. Огни городов на ночной стороне — тонкая паутина, видимая с высоты, где нет ни границ, ни войн, ни долгов.

Особенно долгов.

Алекс прилетал сюда уже не первый раз. Каждый раз — когда появлялись деньги. Не ради роскоши. Ради тишины. А также ради нового задания, а пока его не было, он в эти редкие минуты просто отдыхал.

Чувство отдыха было ложным. Он знал это. Но иногда хотелось обманываться.

— Мистер Алекс? — голос техника вырвал его из размышлений. Молодой парень, лет двадцати пяти, с нервным лицом и дрожащими пальцами. — Мы начинаем диагностику. Пожалуйста, расслабьтесь.

— Я расслаблен, — сказал Алекс, не отводя взгляда от потолка.

— Э-э... да, сэр. Конечно. Просто... обычно гости в этот момент что-то говорят. Спрашивают, сколько это займёт, жалуются на цены, интересуются, можно ли получить скидку на повторное обслуживание. А вы... вы молчите.

— Я не жалуюсь.

— Я заметил.

Техник замолчал. Алекс тоже. Тишина в диагностическом боксе была плотной, как вода. Только гудели приборы, да

где-то за стеной шипел воздухоочиститель.

Алекс лежал неподвижно. Руки вытянуты вдоль тела, ладони вверх. Техник суетился рядом, подключая кабели к сервисным портам на висках и запястьях. Алекс не смотрел на него. Он смотрел в потолок, но не видел его.

Его лицо было закрыто очками. Сплошная тёмная полоса от левого виска к правому. Никаких линз, никаких диоптрий — только чёрная матовая поверхность, в которой отражался свет диагностических ламп. Внутри оправы — начинка, которая стоила очень дорого. Тепловизор. Ночной канал. Анализатор микродвижений. Пишущая камера с разрешением, достаточным, чтобы прочитать текст на документе с двадцати метров. Сканер пульса. Детектор микроспазмов мышц и многое другое. Всё это работало одновременно, обрабатывалось встроенным процессором и выводилось на внутреннюю поверхность визора.

Через три секунды разговора Алекс знал, врёт ему человек или нет. Через пять — знал, чего он боится. Через десять — знал, о нём практически всё.

Снять очки для Алекса было всё равно что раздеться посреди площади. Он не делал этого даже в одиночестве. Даже в душе. Даже когда спал — а спал он мало и чутко, — визор оставался на месте, только переключался в режим минимального энергопотребления.

— Вы всегда носите эти очки? — спросил техник, стараясь не смотреть на тёмную полосу. — Даже здесь? На стан-

ции?

— Да.

— Но... здесь же нет опасности. Это туристический объект. Охрана, камеры, сканеры...

— Ты давно работаешь на станции?

— Третий год, сэр.

— И за это время ни разу не видел, чтобы кого-то ограбили? Убили? Попытались похитить?

Техник замолчал. Потом нехотя ответил:

— Был случай. Полтора года назад. Один гость — богатый, из Европы — пропал. Через два дня нашли в техническом отсеке. Мёртвым. Официально — несчастный случай. Но все знали, что это было убийство.

— Вот именно, — сказал Алекс. — Опасность не там, где её ищут. Она там, где её не ждут.

Техник сглотнул и продолжил работать.

Под очками, на левой стороне лица, от подбородка до уха тянулся шрам. Старый, заживший, но всё ещё заметный — тонкая белая линия, которая пересекала щёку и терялась в линии челюсти. Когда-то он был глубже. Когда-то кровоточил. Когда-то болел так, что Алекс не мог есть. Теперь его скрывал новый имплант — тонкая полимерная плёнка, которая маскировала шрам. Но Алекс знал, что он там. И знал, что любой, кто смотрит достаточно внимательно, тоже это увидит.

— У вас интересный имплант на щеке, — заметил техник,

не поднимая глаз. — Полимерный? Новое поколение?

— Да.

— Дорогой?

— Достаточно.

— Я... я не хотел лезть не в своё дело. Просто у меня брат работает в клинике, где такие ставят. Он говорит, что это стоит как годовая аренда квартиры в центре.

— Твой брат прав.

— Тогда... извините. Я просто подумал, что если вы можете позволить себе такие импланты, то почему...

— Почему я не куплю новые руки самого последнего поколения? — Алекс повернул голову и посмотрел на техника. Тот вздрогнул. — Потому что имплант на щеке стоит дешевле, чем диагностика правой руки. А новые руки стоят как вся эта станция. Я не настолько богат.

Техник открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

Волосы у Алекса были коротко подстрижены. Не ради стиля. Ради практичности. Во время драки за длинные волосы можно схватить, дёрнуть, повалить. Алекс не собирался давать врагам такой шанс. Лицо — худое, с резкими скулами и впалыми щеками. Не от недоедания — от образа жизни, где калории сжигались быстрее, чем поступали. Кожа — бледная, почти серая. Он редко бывал под настоящим солнцем. На правом виске тускло поблёскивал сервисный порт — маленький металлический разъём, через который техник сейчас подключал диагностический кабель.

— У вас пульс шестьдесят два, — сказал техник, глядя на монитор. — Для человека в вашей... ситуации... это очень низкий показатель. Вы тренированный?

— Я живучий.

— Это не одно и то же.

— В моём случае — одно.

Тело под одеждой — а Алекс был в дорогом костюме, тёмно-сером, с иголки, который стоил как месячная зарплата среднего инженера — было собрано как прибор. Не как организм. Как прибор.

Под кожей, в мышцах, тянулись графеновые жилы — тонкие, прочные. Они усиливали каждое движение, делали его быстрее и сильнее, чем позволяла биология. На плечах, под тканью пиджака, угадывались керамические наплечники — лёгкие, но способные выдержать попадание пистолетной пули. Рёбра были усилены титановой сеткой — после того, как в одном из боёв ему сломали три подряд. На голених, в специальных карманах под брюками, крепились ножи — два, по одному на каждой ноге, с керамическими лезвиями, которые не звонили в металлодетекторах.

— Слушайте, — сказал техник, подключая последний кабель. — Я должен спросить. Это стандартная процедура. Вы принимали какие-либо стимуляторы за последние сорок восемь часов?

— Нет.

— Обезболивающие?

— Нет.

— Алкоголь?

— Нет.

— Наркотики?

— Нет.

— Хорошо. А... — техник замялся. — Простите, но я обязан. У вас есть импланты, которые могут повлиять на диагностику?

— Левая рука. Правая рука. Плечи. Рёбра. Голени. Висок. Техник моргнул.

— Это... это всё?

— Это всё.

— Вы можете перечислить, что именно находится в каждой из этих зон?

— Левая рука — плазменный резак, система охлаждения, стабилизатор. Правая — электрошокер, система взлома, антенна. Плечи — керамические пластины. Рёбра — титановая сетка. Голени — ножи. Висок — сервисный порт и процессор.

Это не было секретом, техник бы всё равно бы это узнал во время диагностики. Секрет был в другом, в умении всем этим пользоваться.

Техник записывал. Рука у него дрожала.

— Спасибо, — сказал он. — Это... это очень подробно.

— Я привык знать, что у меня внутри.

Движения у Алекса были экономичные. Каждое — выве-

ренное, рассчитанное, без лишнего жеста. Он не размахивал руками, не крутил головой, не переминался с ноги на ногу. Он двигался так, будто всё время считал запасы воздуха. Говорил он мало и всегда по существу. Его реплики звучали как приговор — короткие, сухие, окончательные.

— Поднимите руки, — сказал техник.

Алекс поднял. Медленно, без усилия. В доке стало тихо. Потому что это было зрелище.

Левая рука Алекса от локтя была чёрным металлом. Матовым, с медными швами, которые проступали вдоль предплечья, как вены на теле. Это был не протез в обычном смысле слова. Это был инструмент. Оружие. Произведение инженерного искусства, за которое Алекс до сих пор не расплатился.

Техник сглотнул и подключил диагностический кабель к порту на запястье. Левая рука раскрылась.

Предплечье разошлось по швам — медленно, плавно, как створка раковины. Внутри, в темноте металлических полостей, что-то щёлкнуло, зажужжало, и из недр руки выдвинулся плазменный резак. Жёлто-белое жало, тонкое, как игла, но способное разрезать почти любой металл за секунды. Оно светилось, излучало тепло. Техник отшатнулся, хотя знал, что резак выключен.

— Господи, — выдохнул техник. — Это... это же...

— Плазменный резак, — спокойно сказал Алекс. — Модель «Гелиос-4». Рабочая температура — три тысячи граду-

сов. Режет титан, сталь, керамику. Броню — медленнее, но тоже режет.

— Зачем... зачем вам такое?

— Для работы.

— Какой работы?

— Разной.

Техник снова сглотнул.

— Не бойтесь, — сказал Алекс. — Он не активирован.

— А если... если он активируется случайно?

— Не активируется. Там три уровня защиты. Один — механический. Второй — биометрический. Третий — голосовой. Случайно он не сработает.

— А если... если кто-то взломает?

— Уже пробовали. Три года назад. Взломали систему, попытались активировать резак, чтобы убить меня своей же рукой. Я успел отключить руку за секунду до того, как он сработал. Потом нашёл того, кто это сделал. И... поговорил с ним.

— Поговорили?

— Да. Он больше не сможет сделать это ещё раз.

Техник решил не уточнять, что именно означало «поговорил».

Правая рука была светлее — не чёрная, а серебристо-серая, с матовыми панелями и тонкими линиями стыков. В ней было два «сюрприза». Первый — электрошокер, встроенный в ладонь. При активации он выдавал разряд в пятьдесят ты-

сяч вольт, достаточный, чтобы остановить сердце взрослого мужчины. Второй — система для автоматического взлома компьютерных систем. Антенна, процессор, набор алгоритмов, которые могли подобрать код доступа к любому замку, любому терминалу, любой базе данных. Алекс называл её «ключ от всех дверей».

— А в правой что? — спросил техник, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Электрошокер.

— Опасная штука?

— Смотря для кого. Для меня — полезная. Для того, кто попытается меня остановить — смертельная.

— Вы... вы кого-то убивали?

Алекс посмотрел на него. Долго. Техник почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Я не отвечаю на такие вопросы, — сказал Алекс. — Никогда. Никому. Запомни это.

— Запомнил, — быстро сказал техник.

Пальцы обеих кистей разбирались. Фаланги разъезжались в стороны, как лепестки механического цветка. Из подушечек выезжали инструменты: отмычки, зонды, сканеры отпечатков пальцев, ридеры чипов. Эта кисть могла вскрыть замок, считать пропуск и подделать биометрию владельца за одиннадцать секунд. Алекс проверял. Не раз.

— Одиннадцать секунд, — сказал техник, глядя на монитор. — Здесь написано, что ваша кисть может подделать

биометрию за одиннадцать секунд.

— Верно.

— Это... это же почти невозможно. Даже военные системы работают медленнее.

— Я не пользуюсь военными системами. Я пользуюсь своими.

— Вы их сами собрали?

— Нет. Заказал. У одного умельца. Он умер три года назад. Передозировка. Жаль. Хороший был мастер.

Алекс смотрел на свои руки — металлические, холодные, чужие — и вспоминал, как они выглядели раньше. Живые. Тёплые. С ногтями. С кожей. С кровью, которая текла по венам. Он помнил, как держал этими руками оружие. Как пожимал руки товарищам. Как касался лица женщины — давно, в другой жизни.

— У вас когда-нибудь было... — техник замялся. — Ну... желание вернуть всё назад? Свои руки?

— Каждый день.

— И что вы делаете?

— Ничего. Нельзя вернуть то, чего больше нет. Можно только идти вперёд.

Теперь это были не руки. Это были протезы. Боевая пара. И это было не роскошью, а историей болезни.

Семь лет назад Алекс ушёл из армии. Не по своей воле — его вычеркнули из реестра официальных военных после

многих лет службы. Причина была мутной, формулировка — размытой. Результат — окончательным. Он остался без работы, без пенсии, без будущего.

— Ты знаешь, что они тебе сказали? — спросил Дэн, его старый боевой друг, когда они сидели в баре на окраине города. — Дословно?

— «Ваши методы не соответствуют текущим стандартам оперативной работы», — процитировал Алекс.

— Бред. Ты был лучшим. Я знаю это. Ты знаешь это. Они знают это.

— Они не хотят знать. Они хотят забыть.

— Почему?

— Потому что я делал то, что они просили. И делал слишком хорошо. А когда всё закончилось, я стал неудобным.

Дэн помолчал. Потом налил себе ещё.

— Слушай, — сказал он. — У меня есть работа. Неофициальная. Хорошая.

— Какая?

— Охрана химкомбината. Объект в глуши, испытания какого-то оборудования. Ничего серьёзного. Просто подзаработать.

— Какого оборудования?

— Не знаю. И не хочу знать. Ты тоже не должен.

— Сколько?

Дэн назвал сумму. Алекс поднял бровь.

— Это больше, чем я получал в армии за год.

— Вот именно. Поэтому я и предлагаю.

— Почему так много?

— Потому что объект секретный. Потому что там опасно. Потому что не все хотят туда ехать. Но ты — ты же не боишься опасности?

Алекс усмехнулся.

— Я не боюсь. Я её чувствую.

— Вот и отлично. Значит, договорились?

— Что именно я должен делать?

— Просто стоять на посту. Проверять пропуска. Смотреть, чтобы никто не проник на территорию. Никаких боёв, никаких перестрелок. Просто охрана.

— Это всё?

— Это всё. Ты же знаешь, я бы не подставил.

Алекс знал, по крайней мере он тогда именно так и думал. И согласился.

— Когда выезд?

— Завтра. Транспорт в шесть утра. Адрес скину.

— Хорошо.

— И ещё, — Дэн помолчал. — Там будут другие. Не удивляйся. Не задавай вопросов. Просто делай свою работу.

— Я всегда делаю свою работу.

— Знаю. Поэтому и позвал.

Он прибыл на транспорте не один. С ним было ещё несколько человек — таких же наёмников, нанятых для похожей работы. Дэн был рядом. Они высадились на объекте,

прошли инструктаж, заняли посты. А через сорок минут Дэн сказал, что его вызвали на другой объект.

— Я вернусь через пару дней, — сказал он. — Держись тут. Всё будет нормально.

— Что случилось? — спросил Алекс.

— Не знаю. Звонок от начальства. Говорят, срочно нужен на другом объекте.

— Это странно.

— Согласен. Но платят — не спорят.

— Ты вернёшься?

— Конечно. Обещаю.

Он ушёл. И больше Алекс его никогда не видел.

Он остался на объекте один, а через пару часов что-то пошло не так.

Алекс не знал, что именно испытывали на том комбинате. Он не знал, какое оружие, какая технология, какой эксперимент. Он знал только, что рвануло так, что, наверное, было видно из соседнего городка.

Взрыв начался с глухого гула, который шёл из-под земли. Пол задрожал. Стены затряслись. Лампы на потолке лопнули одна за другой. Алекс успел сделать три шага к выходу, прежде чем этаж заводского цеха сложился под ним, как картонка.

— Всем покинуть здание! — кричал кто-то в рации. — Повторяю, всем покинуть здание! Это не учебная тревога!

Алекс бежал. Он не думал. Он просто бежал. Инстинкты,

вбитые годами службы, гнали его вперёд. Он не знал, куда бежит. Он знал только, что нужно двигаться.

Он падал. Секунду. Две. Три. Потом удар — такой силы, что из лёгких выбило весь воздух. Бетонная плита рухнула сверху. Придавила. Вжала в пол. Алекс попытался вдохнуть — не смог. Попытался двинуться — не смог. Он лежал под плитой, в темноте, в пыли, в тишине, которая наступила после взрыва.

Только тишина. Глухая, давящая, мёртвая.

Семь часов.

Он пролежал под плитой семь часов. Обломки перебили обе руки у предплечья. Кости были раздроблены. Мышцы разорваны. Кожа содрана. Кровь текла ручьём. Но Алекс не терял сознания. Ни на минуту. Он смог вылезти сам. А потом он полз к людям, вдоль труб с холодной водой — потому что знал, что там, есть выход, есть шанс. Он полз, цепляясь локтями, зубами, всем, чем мог. Военные навыки и желание жить помогли ему выбраться.

— Я не умру здесь, — шептал он. — Я не умру здесь. Я не умру здесь.

Он повторял это снова и снова. Как мантру. Как молитву. Как приказ самому себе.

Полевой хирург ампутировал то, что осталось. Без анестезии — наркотик кончился, делать всё нужно было срочно. Алекс не кричал. Он смотрел в потолок и считал секунды.

— Держись, парень, — сказал хирург. — Ещё немного.

— Я держусь, — прошептал Алекс.

— Ты потерял много крови. Если бы ты не дополз сюда... я бы не успел.

— Я знаю.

— Что там было? На комбинате?

— Не знаю. Я не спрашивал.

— И правильно. Если бы знал — тебя бы уже не было.

Хирург закончил. Посмотрел на то, что осталось от рук Алекса. Покачал головой.

— Мне жаль, — сказал он. — Я сделал всё, что мог.

— Спасибо, — сказал Алекс. — Вы сделали больше, чем я ожидал.

Первые протезы были грубыми, дешёвыми. Алекс был один, ему никто не помогал. Протезы походили на промышленные манипуляторы с погрузчика — скрипучие, с задержкой в треть секунды. Он учился с ними жить год. Год ада. Год боли. Год унижений.

— Ты не сможешь, — сказал ему однажды врач в клинике. — С такими протезами невозможно нормально жить. Тебе нужны другие.

— У меня нет денег на другие.

— Тогда найди. Или ты останешься калекой на всю жизнь.

Алекс нашёл. Влез в долг. Купил новые. Отличные. Надёжные, улучшенные, быстрые.

И до сих пор не расплатился за них.

С тех пор Алекс работал наёмником. Чтобы отдать дол-

ги. Основная его статья — промышленный шпионаж и проникновение в самые опасные объекты. Он делал работу, которую другие не могли или не хотели делать. Он проникал туда, куда не проникал никто.

Дэна он больше не видел. С того случая — ни разу. Алекс даже предположил, что Дэн тогда погиб. Во время того инцидента. Может быть, его тоже накрыло плитой. Может быть, он сгорел в огне. Может быть, его тело так и не нашли.

— Ты уверен, что он мёртв? — спросил его однажды Куратор.

— Нет.

— Тогда почему ты не ищешь его?

— Потому что, если он жив — он не хочет, чтобы я его нашёл. А если он мёртв — искать бессмысленно.

— Логично. Но ты никогда не думал, что он мог тебя подставить?

— Думал.

— И?

Алекс не ответил, он посмотрел в стену и замолчал.

Так что с тех пор Алекс был в этом мире совершенно один.

Иногда, оставаясь один дома, он с улыбкой вспоминал успешные операции из прошлого.

Дело в «Нортис-Материалс». Он три недели носил официальный пиджак на закрытых приёмах. Подавал шампанское. Улыбался. Кланялся. А потом левым мизинцем снял шифр с картридера в кабинете директора. Никто ничего не

заметил. Никто ничего не заподозрил. Он вышел через главный вход, снял пиджак и растворился в толпе.

— Ты уверен, что это сработает? — спросил его тогда связной.

— Уверен.

— Если тебя поймают — я тебя не знаю.

— Меня не поймают.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что я делал это раньше. Много раз. И ни разу не попался.

— Ни разу.

Военный завод беспилотников. Он вскрыл хранилище за восемь секунд. Охрана до сих пор считает, что замок не вскрывали. Что это была ошибка системы. Что данные пропали сами.

— Восемь секунд, — сказал Куратор, когда Алекс доложил о выполнении. — Это рекорд.

— Я знаю.

— Ты понимаешь, что тебе должны были заплатить в пять раз больше?

— Понимаю.

— И ты согласился на то, что тебе дали?

— У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда.

— Не в моём случае.

Но с деньгами у Алекса всегда были проблемы. Он не умел

себя презентовать. Не умел торговаться. Не умел требовать. За каждую из этих работ ему платили вдвое меньше, чем он стоил.

— Вы не агент, — сказал ему однажды куратор. — Вы — грабитель. А вора́м вообще не платят. Они сами себе денег наворуют.

— Я не вор.

— А кто вы?

— Я тот, кто делает работу. И получает за неё деньги.

— Вы получаете гроши. И знаете это.

— Знаю.

Куратор вздохнул.

— Вы странный человек, Алекс.

— Я знаю.

— И всё же я продолжу с вами работать. Потому что вы — лучший. Даже за гроши.

— Спасибо.

— Не благодарите. Это не комплимент. Это констатация факта.

Алекс ничего не ответил. Он просто взял деньги и ушёл. Потому что выбора не было.

Техник закончил диагностику и посмотрел на данные. Лицо у него было бледное.

— Правая рука требует отдельной проверки, — сказал он тихо. — Есть отклонения в системе взлома. Возможно, по-

требуется замена модуля.

Алекс медленно повернул голову.

— Рука просит многого, — сказал он. — Пусть не скулит и подождёт более удачного момента.

— Я не понимаю.

— Я не могу заплатить за дополнительную диагностику.

Техник моргнул.

— Но... вы же в дорогом костюме. Вы живёте на этой станции. Вы...

— Костюм — это маска.

— Тогда почему вы не возьмёте кредит?

— Я уже должен. Много. Больше, чем ты можешь себе представить.

— Но... как же вы живёте?

— Работаю. Плачу долги.

— Всё как у всех.

Техник открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Он просто отключил кабели и отошёл в сторону.

Алекс сел. Посмотрел на свои руки. Металлические. Холодные. Чужие.

И в этот момент его внутренний канал поймал вызов.

Закрытый номер. Голос Куратора.

— Алекс, — сказал Куратор. — Есть работа.

Куратор обычно не выходил на связь вне графика. Это уже было странно.

— Координаты, — сказал Алекс.

Куратор продиктовал. Потом назвал сумму. Втрое больше обычной ставки.

Алекс нахмурился.

— Почему так дорого?

Пауза. Долгая. Потом ответ:

— Потому что ты идёшь один.

Алекс молчал. Он смотрел в потолок, но видел не его. Он видел Землю. Голубую. Прекрасную. Далёкую. И думал о том, что, возможно, это его последнее задание.

— Что за объект? — спросил он.

— Лаборатория. Частная.

— Что там?

— Не знаю. И ты не должен знать. Просто проникни, за-
бери данные, которые сможешь найти, уйди.

— И ещё, Алекс.

— Что?

— Будь осторожен. Это задание... оно странное. Слиш-
ком много неизвестных.

— Я всегда осторожен.

— Знаю. Но в этот раз — особенно.

— Принято.

Вызов оборвался.

Алекс закрыл глаза. Под очками. Под маской. Под всем, что он носил, чтобы не быть собой.

Он поднял правую руку и посмотрел на неё. Металличе-
скую. Холодную. Чужую.

— Ну что ж, — сказал он тихо. — Пора.

Он встал. Поправил пиджак. Посмотрел на техника, который всё ещё стоял в углу, бледный и напуганный.

— Спасибо за работу, — сказал Алекс.

— Э-э... пожалуйста.

— Ты хороший техник. Но тебе стоит научиться не задавать лишних вопросов.

— Я... я запомню.

— Запомни. Это может спасти тебе жизнь.

— Тебе просто повезло, что я сегодня добрый и просто хотел поболтать.

— Ты же никому не расскажешь то, что сегодня услышал?

Техник замер, понимая, что это была его проверка.

— Нет конечно, не скажу, поторопился ответить он.

— Вот и хорошо, надеюсь мне тебе никогда не придётся напоминать об этих словах.

Алекс вышел из дока. Дверь закрылась за ним с тихим шипением. Техник остался один. Он смотрел на диагностический стол, на котором только что лежал человек с руками-оружием, и думал о том, что снова он не хотел бы встретить этого опасного человека.

Алекс шёл по коридору станции. Мимо него проплывали туристы — богатые, беззаботные, счастливые. Они смеялись. Фотографировались. Смотрели в иллюминаторы. Они не знали, кто идёт рядом с ними. И слава богу.

Глава 2

Станция «Аврора-7» была красивой, но не поэтому Алекс прилетал сюда.

Красота — это для туристов. Для тех, кто платит за вид из иллюминатора, за невесомость в душевой кабине, за фотографию на фоне голубого шара, которую можно повесить в кабинете и показывать гостям. Туристы приезжали сюда, чтобы почувствовать себя выше мира. Буквально. На четыреста двадцать километров выше.

Алекс прилетал сюда по другой причине.

«Аврора-7» была не только отелем. Она была удобным рынком.

Негласным, немаркированным, не упомянутым ни в одном официальном реестре. Но те, кому нужно, знали. Если тебе нужен исполнитель — прилетай на «Аврору». Если ты исполнитель и тебе нужна работа — тоже прилетай. Здесь, среди спа-салонов и ресторанов с видом на Землю, среди богатых бездельников и их капризных детей, среди официантов в белых перчатках и техников в серых комбинезонах, шла другая жизнь. Тихая. Незаметная. Опасная.

Алекс знал это место. Он знал, в каком баре на верхнем ярусе кольца можно сесть так, чтобы видеть вход и не быть увиденным. Знал, какой техник в медблоке не задаёт вопросов и берёт наличными. Знал, в каком секторе парка — того самого, с генетически модифицированными деревьями —

можно встретиться с человеком, и никто тебя не услышит, потому что шум листвы глушит любой разговор.

И вот один из таких заказов его уже ожидал.

Он получил сообщение, когда ещё лежал на диагностическом столе. Текст без подписи, без обратного адреса, без единого лишнего символа: «Капсула 14-Б. Двадцать минут».

Алекс не удивился. Он вообще редко удивлялся. Удивление — это роскошь, которую он не мог себе позволить. Но он отметил про себя одну деталь.

Капсула. Не бар. Не парк. Не технический отсек.

Капсула.

Капсула — это маленький корабль, причаленный к станции снаружи. Не шаттл, не грузовик — просто модуль, который может отстыковаться в любой момент. Внутри — стол, два кресла, экран. И всё. Никаких камер, никаких микрофонов, никакой записи. Если разговор пойдёт не так, капсула просто отходит от станции и уходит вниз, в атмосферу, где сгорает вместе с содержимым.

Такие меры предосторожности в его практике были впервые.

— Видимо, дело серьёзное, — сказал он вслух.

Техник, который всё ещё стоял в углу дока, вздрогнул.

— Что, простите?

— Ничего. Это я так. Сам с собой.

— Вы... вы часто говорите сам с собой?

— Только когда думаю.

— А о чём вы думаете?

Алекс посмотрел на него. Долго.

— О том, что тебе пора идти, — сказал он.

Техник ушёл. Быстро.

Алекс шёл по коридору кольца. Мимо него проплывали туристы. Богатые, беззаботные, счастливые. Женщина в шелковом халате вела за руку мальчика, который пытался поймать в воздухе каплю воды — они вышли из бассейна, и вода ещё не успела стечь. Пожилой мужчина в дорогом костюме спорил с женой о том, стоит ли продлевать номер ещё на неделю. Двое подростков фотографировали друг друга на фоне иллюминатора, строя дурацкие рожи.

Алекс шёл мимо них, не глядя. Он думал.

Капсула. Почему капсула?

Значит, заказчик — не мелкая сошка, которая торгуется за процент.

Алекс замедлил шаг.

Алекс подошёл к переходному шлюзу. За бронированной дверью — стыковочный узел, а за ним — капсула 14-Б. Он приложил ладонь к сканеру. Дверь зашипела и открылась.

Капсула была тесной. Теснее, чем он помнил. Стол, два кресла, экран на стене. Никаких иллюминаторов — только серая обшивка и тонкая полоска светодиодов по потолку. Воздух был холодным, пахло пластиком и машинным маслом.

Алекс сел в кресло. Кресло было жёстким, неудобным, яв-

но не для туристов. Такие ставят в грузовых модулях. Он отметил и это.

Экран мигнул. Потом ещё раз. Потом вспыхнул, и в воздухе над столом развернулась голограмма.

Мужчина. Лет пятидесяти, может, больше. Худое лицо, гладко выбритое, с плотно сжатыми губами. Костюм — тёмно-синий, дорогой, но неброский. Никаких украшений, никаких логотипов. Так одеваются люди, которые не хотят, чтобы их запомнили.

Голограмма мигнула. Изображение дёрнулось, пошло рябью. Мужчина открыл рот, чтобы что-то сказать, но звук пришёл с задержкой в полсекунды — и не совпал с движением губ. Голограмма мигнула ещё раз. И ещё. Потом замерла на неудачном кадре: представитель «Кайрос Групп» сидел с открытым ртом, глаза чуть скошены в сторону, лицо застыло в нелепой, почти комичной гримасе.

Алекс молча смотрел.

Он не улыбнулся. Не хмыкнул. Не сказал: «У вас связь барахлит». Он просто ждал.

Прошло три секунды. Четыре. Пять. Голограмма дёрнулась, ожила, мужчина закрыл рот. Потом снова открыл — но теперь уже осторожно, без жестов, без резких движений. Он понял. Понял, что канал нестабильный, что каждый лишний жест — это лишняя потеря пакетов, лишняя задержка, лишний сбой. Он перестал жестикулировать. Сложил руки на столе. Заговорил медленно, размеренно, как диктор на ра-

дио.

— Мистер Алекс, — сказал он. — Спасибо, что пришли. Алекс кивнул.

— Меня зовут... неважно, как меня зовут. Я представляю «Кайрос Групп».

Он сделал паузу. Ждал реакции. Алекс не реагировал.

— Вы знаете, кто мы.

— Знаю, — сказал Алекс.

— Хорошо. Тогда я перейду к делу. У нас мало времени, а канал, как вы видите, нестабилен.

— Вижу.

— Данные пришли от двоих источников. От инженера-подрядчика. И от спутника частного зондирования.

Алекс чуть наклонил голову. Это был единственный жест, который он себе позволил.

— Сначала о первом, — продолжил мужчина. — Инженер-геолог разведывательных работ по имени Дарен. Сорок лет он проводил технические работы на объектах «Гелиос-Дайн». Вы знаете, эту корпорацию.

— Знаю.

— Наш конкурент. В передовых разработках. Один из немногих, кто может себе позволить тратить миллиарды на то, что не приносит прибыли. Пока не приносит.

Голограмма мигнула. Мужчина замолчал, переждал сбой, продолжил.

— И однажды этот геолог слишком много выпил. В вах-

товом городке. Знаете, как это бывает — смена закончилась, люди устали, кто-то достал бутылку. Дарен не пил два месяца. А потом выпил сразу.

— Как он это сказал? — спросил Алекс. — Дословно. Мужчина помолчал. Потом ответил:

— «Гелиос-Дайн» нашла объект на атолле Ва-Руа. И увела под землю. В мать его, в шахту. На восемь этажей.

Пауза.

— Так он и сказал. Будучи пьяным. Потом ещё повторил. Дважды. И заснул лицом в стол.

— И кто-то записал.

— Нужные люди записали его слова. И передали нам. Этот пьяный разговор обошёлся нам дороже, чем один спутниковый снимок, но вложения того стояли.

Алекс слушал.

Он слушал так, как его учили слушать — всем телом. Не только ушами. Он смотрел на голограмму, но видел не её. Он видел мужчину за голограммой. Человека, который сидит где-то далеко — на Земле, на орбите, в другом полушарии, — и говорит с ним через нестабильный канал. Он видел его руки, сложенные на столе. Видел, как он моргает. Видел, как у него чуть подрагивает уголок рта, когда он произносит «Дарен». Он не мог прочитать пульс через голограмму — его визор работал только вживую. Но он мог читать другое. Темп речи. Длину паузы. То, на каких словах человек делает вдох.

Этот человек говорил правду. Не всю. Но то, что говорил

— правда.

— Мы решили проверить, — продолжил мужчина. — И кое-что нашли. Его пьяные слова подтвердились.

Голограмма снова мигнула. Мужчина переждал. Продолжил.

— Спутниковые снимки подтвердили аномалию. На острове, где не было ни дорог, ни порта, вырос ровный прямоугольник теплового следа. Появилась лаборатория с подземными уровнями.

Алекс молчал.

— Атолл Ва-Руа, — сказал мужчина. — Вы знаете это место?

— Нет.

— И не должны. Это один из тех островов, о которых не пишут в туристических справочниках. Клочок земли в южной части Тихого океана. Триста метров в поперечнике. Ни пресной воды, ни растительности, кроме кокосовых пальм. Формально — территория одного из островных государств, но фактически — ничья. Никто туда не плавает. Никто туда не летает. Идеальное место.

— Для чего?

— Для того, чтобы что-то спрятать.

Дальше шло детальное описание части задания. И оно стояло дороже самих снимков.

Мужчина начал перечислять. Медленно, без жестов, чтобы не сбивать канал.

— Восемь подземных уровней. Восемь. Первый — административный. Второй — жилой. Третий — технический. Четвёртый — лабораторный. Пятый — складской. Шестой — энергетический. Седьмой — биологический. Восьмой — исследовательский.

— Сколько людей на объекте?

— Достаточно много. Постоянный персонал. Плюс сменные группы, которые прилетают с грузовыми дронами. Каждые двадцать шесть часов.

Алекс отметил это. Двадцать шесть часов.

— Охрана?

— Бывшие военные. Не наёмники — штатные сотрудники «Гелиос-Дайн». У них контракты, страховки, социальные пакеты. Они не будут сражаться до смерти. Но они будут сражаться.

— Оружие?

— Стандартное. Электрошокеры, парализаторы, огнестрел. Плюс система автоматической защиты по периметру и возможно внутри базы, но наши данные не полные.

— Экзоскелеты у охраны?

Пауза. Мужчина чуть наклонил голову.

— У вас хорошие источники, мистер Алекс. Да. Экзоскелеты. Тяжёлые. Для работы в шахте и для защиты лаборатории. Но при необходимости их можно использовать иначе.

— Но мы точно уверены, что такими костюмами оснастили далеко не всех.

— Понял.

Мужчина сделал вдох. Потом заговорил снова — и голос его чуть изменился. Стал суше, деловитее. Так говорят люди, которые дошли до самого важного и хотят поскорее с этим закончить.

— Теперь о самом задании.

Алекс кивнул.

— Вы должны проникнуть в нижний исследовательский уровень. Восьмой. И снять технологии.

— Что именно?

— Всё.

— Конкретнее.

Мужчина помолчал. Голограмма мигнула.

— На атолле Ва-Руа был найден объект. Мы не знаем, все-го, но мы уверены, что данный объект он не земной. Возможно, разбившийся в этом районе, инопланетный корабль. Или часть корабля. Или что-то, что мы пока не умеем классифицировать.

Алекс молчал.

— Обломки спрятали в подземную лабораторию. Построили её специально для исследований. Восемь уровней — это не прихоть. Это необходимость. То, что нашли, требует изоляции.

— Радиация?

— Не только. Мы не знаем, что там. Никто не знает. Кроме тех, кто работает на восьмом уровне. И они не выходят

на связь с внешним миром.

— Совсем?

— Совсем.

Алекс подумал об этом. Медленно.

— Под «снять» мы понимаем всё, — сказал мужчина. — Достать прошивку навигационного контура. Состав сплавов. Принцип энергоотбора. Любую работающую деталь размером с ладонь. Всё, что вы сможете узнать или унести.

— Приоритет?

— Носители информации. В первую очередь. Всё остальное — если останется время.

— Время есть.

— Двадцать шесть часов.

Алекс поднял бровь. Едва заметно. Но мужчина на голограмме это заметил.

— Именно, — сказал он. — Ровно столько идёт окно между доставкой грузовых дронов «Гелиос-Дайн». Двадцать шесть часов. Дрон приходит, разгружается, уходит. До следующего — никто не прилетает, и никто не улетает. Персонал на объекте остаётся один. Связь с материком — только по защищённому каналу, и только у начальника объекта. И вот в эти двадцать шесть часов вы должны войти, сделать работу и уйти.

— Почему именно это окно?

— Потому что в другое время если вас заметят. Дроны приносят не только груз. Они принесут людей. Сменные

группы. Инспекторов. Техников. Каждый дрон — это новые дополнительные люди в случае необходимости. А усиленные команды помещают нашим планам.

— А спутники?

— Спутники следят за периметром. Но не за внутренними уровнями. Под землёй — только камеры. И их можно обойти.

— Да, и ещё один момент.

— Прикрытия не будет, — сказал мужчина.

— Совсем?

— Совсем. Никакой связи после высадки. Никакой эвакуации. Никакой поддержки.

— А если что-то пойдёт не так?

— Тогда вы решаете это сами.

Алекс молчал.

— Это очень сложное задание, — продолжил мужчина.
— Поэтому за него платят очень хорошие деньги. Настолько хорошие, что мы предпочли не искать исполнителя на стороне, а обратиться к вам напрямую.

— Почему ко мне?

— Потому что вы умеете работать один. И потому что вы умеете не задавать лишних вопросов. У вас есть репутация надежного исполнителя.

— Я задаю иногда вопросы.

— Вы задаёте правильные вопросы.

Алекс чуть улыбнулся. Одними губами.

— Если вас поймают, — сказал мужчина, — «Кайрос Групп» никогда о вас не слышала.

— Вы очень красиво это формулируете.

— Мы юристы, — с гордостью ответила голограмма.

Пауза. Голограмма мигнула. Мужчина моргнул — с задержкой в полсекунды.

— Условия стандартные, — продолжил он. — Никаких имён. Никаких записей. Никаких следов. Если вас задержат — вы не знаете, кто вас нанял. Если вас станут пытаться — вы не знаете, кто вас нанял. Если вас убьют — вы о вас тоже никогда не слышали.

Алекс кивнул.

— Мне нужна предоплата, — сказал он.

— Сколько?

— Половину. На слепой счёт.

— Слепой счёт?

— Да. Без имени. Без привязки. Без истории.

Мужчина помолчал. Потом кивнул — медленно, чтобы не сбить канал.

— Хорошо. Половина будет на счёте в течение часа.

— Реквизиты я отправлю.

— Жду.

Алекс достал из внутреннего кармана маленький плоский чип. Приложил к столу. Чип мигнул, передал данные. Голограмма мужчины дёрнулась, но устояла.

— Получено, — сказал мужчина. — Деньги уйдут в тече-

ние часа.

— А с вами приятно иметь дело, — сказал Алекс голограмме.

— Мы солидные люди, — ответил мужчина.

Голограмма мигнула. Замерла. Мужчина снова застыл с открытым ртом — на этот раз середина фразы, которую он не успел закончить. Алекс смотрел на это без выражения. Три секунды. Четыре. Пять. Изображение дёрнулось, ожило.

— ...прошу прощения, — сказал мужчина. — Связь.

— Я заметил.

— Мы солидные люди, — повторил мужчина. — Поэтому предоплата будет в срок. И поэтому мы ожидаем от вас результата в срок.

— Двадцать шесть часов.

— Двадцать шесть часов.

Алекс помолчал. Потом задал вопрос, который задавал всегда. Самый важный. Тот, который решал, брать заказ или не брать.

— Кто ещё знает о находке?

Мужчина не ответил сразу.

— Уточните, — сказал он.

— У меня там не будет случайных конкурентов?

Пауза.

Пауза затянулась. На одну секунду. На две. На три.

Алекс смотрел на голограмму. Не мигая. Он знал, что такое пауза в разговоре. Он знал, что такое пауза в разговоре

с человеком, который умеет держать лицо. Он знал, что значит пауза длиной в шесть секунд.

Шесть секунд.

Для такого собеседника — признание.

— Вы будете единственным, — сказал наконец мужчина.

— Но?

— Но всего мы знать не можем.

Алекс медленно откинулся в кресле. Он не сказал ничего. Он просто смотрел на голограмму. И мужчина на голограмме смотрел на него. И оба они понимали, что только что произошло.

Вот здесь Алекс впервые почувствовал подвох.

Не ложь. Ложь он бы заметил. Именно подвох. Что-то, что ему не сказали. Что-то, о чём этот человек в дорогом костюме либо не знал, либо знал, но не собирался говорить.

— Что значит «всего мы знать не можем»? — спросил Алекс.

— Это значит, что мы не единственная корпорация, которая умеет читать спутниковые снимки. И не единственная, которая умеет слушать пьяных геологов.

— Вы думаете, кто-то ещё?

— Я ничего не думаю. Я знаю, что остров — не самое скрытое место в мире. И знаю, что «Гелиос-Дайн» не единственная компания, которая ищет то, что не принадлежит Земле.

— И кто ещё ищет?

— Если бы я знал, я бы вам сказал.

— Сказали бы?

— Сказали бы. Потому что, если там будет кто-то ещё — это ваша проблема. И я предпочёл бы, чтобы вы знали о ней заранее.

Алекс кивнул. Медленно.

— Я вас слышал.

— Это всё, о чём я прошу.

— Вы согласны? — спросил мужчина.

Алекс помолчал. Он думал не о деньгах — деньги были хорошие. Не об опасности — опасность была привычной. Он думал о паузе. О шести секундах.

Шесть секунд — это много. Шесть секунд — это время, за которое человек успевает решить, соврать или сказать правду. И этот человек выбрал — сказать половину правды.

Половина правды хуже лжи. Ложь можно распознать и подготовиться. Половина правды — это мина, которая ждёт, чтобы взорваться.

Но деньги были хорошие. Очень хорошие. Втрое больше обычной ставки. А долги никуда не делись. А правая рука требовала диагностики, на которую не было денег.

Алекс подумал о своих руках. О металле. О холоде. О долге, который он не выплатит никогда, если будет отказываться от таких заказов.

— Согласен, — сказал он.

— Отлично, — сказал мужчина. — Координаты и детали

будут переданы на ваш канал через двенадцать часов. Транспорт — через сорок восемь. Вопросы?

— Один.

— Да?

— Как вас зовут?

Мужчина посмотрел на него. Долго. Потом улыбнулся — впервые за весь разговор.

— Мистер Алекс, — сказал он. — Вы же не хотите, чтобы я соврал.

— Я хочу, чтобы вы ответили.

— Тогда я отвечу так: меня зовут Никто. И этого достаточно.

Голограмма мигнула. Погасла. Экран стал серым.

Алекс остался один в капсуле. Он сидел в жёстком кресле, смотрел на серый экран и слушал, как гудит воздухоочиститель. Потом встал. Открыл дверь. Вышел в коридор станции.

Первое, что он сделал, вернувшись в свою каюту, — залез в архивы.

Не в официальные. В свои. Те, которые он собирал годами за время работы наёмником. Те, которые не хранятся на серверах, потому что серверы можно взломать, а голову — нет. У Алекса была хорошая память. И хорошие привычки.

Он сел на кровать, закрыл глаза и начал вспоминать.

«Гелиос-Дайн».

Крупная корпорация. Один из лидеров в области передовых разработок. Энергетика, материаловедение, биотех.

Формально — гражданская. Фактически — половина их патентов имеет военное происхождение. Они умеют находить то, что плохо лежит. И умеют делать так, чтобы это перестало лежать плохо.

У них есть отряд зачистки.

Алекс открыл глаза. Это он помнил хорошо. Отряд зачистки — не охрана. Не служба безопасности. Именно отряд. Люди, которых вызывают, когда что-то пошло не так. Когда нужно убрать свидетелей. Когда нужно сделать так, чтобы объект снова стал чистым.

Он не знал, сколько их. Он знал, что они есть. Он знал, что они работают быстро. Он знал, что они не оставляют следов.

Есть экзоскелеты.

Это он тоже помнил. «Гелиос-Дайн» разрабатывала экзоскелеты для тяжёлых работ — шахты, стройки, аварийно-спасательные операции. Но, как всегда, бывает, технология двойного назначения. Экзоскелет, который поднимает тонну породы, может поднять и тонну чего-нибудь другого. Например, человека. Или оружие.

И есть привычка не оставлять свидетелей.

Алекс усмехнулся. Криво. Без веселья.

— Опасные ребята, — сказал он сам себе.

Он снова закрыл глаза.

Что это значило для него? Значило, что заказ — не просто кража. Это игра. Игра, в которой у него нет права на ошибку. Если он попадётся охране — его посадят в подземную каме-

ру и будут допрашивать, пока он не расскажет всё, что знает. Если он попадётся отряду зачистки — его не будет. Просто не будет. Ни тела, ни следов, ни записи. Остров — идеальное место для того, чтобы исчезнуть.

И ещё одно. Он подумал о том, что сказал заказчик. «Всё-го мы знать не можем». Это могло значить две вещи. Первая: он действительно не знает. Вторая: он знает, но не хочет говорить. И вторая хуже.

Потому что, если «Кайрос Групп» знает, что на острове будут другие — и всё равно посылает его одного, — значит, они готовы им пожертвовать. Он — расходный материал. Инструмент. Одноразовый.

Алекс к этому привык. Но привыкнуть — не значит смириться.

Он встал. Пошёл к кейсу.

Кейс стоял в углу каюты. Обычный, на первый взгляд, — чёрный, матовый, с кодовым замком. Но внутри — не обычное.

Алекс открыл его.

Первое — запасные накопители. Шесть штук. Маленькие, размером с ноготь, но каждый мог вместить больше данных, чем вся библиотека Конгресса. Он взял три. Больше не нужно. Если он не успеет снять данные за двадцать шесть часов — четвёртый накопитель ему не поможет.

Второе — плазменные картриджи. Маленькие, тяжёлые, с матовой поверхностью. Три штуки. Для оружия. У Алекса

было оружие — компактный пистолет, который он носил в наплечной кобуре. Но пистолет стрелял обычными патронами. А плазменные картриджи — для другой вещи. Для резака в левой руке. Каждый картридж — это одна активация. Одна. Три картриджа — три попытки. Четвёртой не будет.

Алекс положил их в кейс. Потом достал складной нож.

Нож был старый. Лезвие — потемневшее от времени, рукоять — потёртая, на лезвии — маленькая зазубрина, которую он так и не убрал. Он купил этот нож двенадцать лет назад. В другой жизни. Когда у него ещё были живые руки.

Нож, возможно, не понадобится. Алекс знал это. В его работе нож — оружие последнего шанса. Когда всё уже пошло не так, когда пистолет пуст, когда резак сломан, когда бежать некуда. Но без ножа он уже давно не мог выйти на дело.

Не потому, что он был нужен. А потому что он был свой.

Алекс закрыл нож и положил его во внутренний карман. Ближе к телу.

Отдельно он уложил идентификатор.

Чистый. Безымянный. Стандартный «Гелиос-Дайн» — такой же, как у тысяч их сотрудников по всему миру. Он купил его полгода назад у продавца из второго яруса чёрного рынка. Продавец был худой, нервный, с бегающими глазами. Он взял деньги, отдал чип и исчез. Алекс не спрашивал, откуда у него этот идентификатор. Он знал, что лучше не спрашивать.

Идентификатор был пуст. Внутри — ничего. Ни имени,

ни фотографии, ни биометрии. Просто болванка. Но если вдруг будет проверка — он сможет прикинуться другим человеком. Загрузить на этот идентификатор чужие данные. Данные человека, который никогда не существовал. Или существовал, но давно умер. Или существовал, но никогда не был на атолле Ва-Руа.

Алекс повертел чип в пальцах. Металл был холодным. Как его руки.

Он положил чип в отдельный карман. Подальше от ножа. Подальше от картриджей. Каждая вещь — на своём месте. Каждая вещь — сама по себе.

Путь он выбрал заранее. Ещё до того, как согласился.

Три перелёта и одна рыбацкая лодка.

Первый перелёт — с орбиты на Землю. Обычный рейс, обычный шаттл, обычные туристы. Он сидел у иллюминатора, смотрел, как голубой шар растёт, приближается, превращается в океан и облака. Никто не обращал на него внимания. Он был просто ещё один пассажир.

Второй перелёт — с континента на континент. Грузопассажирский борт, старый, гудящий, с креслами, которые помнили ещё прошлый век. Алекс летел эконом-классом. Не потому, что экономил — потому что эконом-класс не запоминают. В бизнес-классе тебя видят. В эконом-классе ты — часть массы.

Третий перелёт — местными авиалиниями. Маленький самолёт, винтовой, с двумя пилотами и двенадцатью пасса-

жирами. Летели над океаном. Внизу — вода. Синяя, бесконечная, без единого островка. Алекс смотрел в иллюминатор и думал о том, что, если самолёт упадёт, никто даже не узнает, куда он летел.

А потом была лодка.

Рыбацкая. Старая. Деревянная. С сетями, которые пахли рыбой и солью. На борту — трое рыбаков. Немолодые, обветренные, с руками, как канаты. Они не спрашивали, кто он и куда. Они просто взяли деньги и сказали: «Садись».

Алекс сел.

Лодка шла долго. Час. Два. Три. Солнце поднималось, потом начинало опускаться. Рыбаки молчали. Алекс молчал тоже.

Иногда они шутили. Про погоду. Только про погоду. Потому что о другом говорить не полагалось. Потому что о другом — не с незнакомцем. Потому что о другом — вообще ни с кем.

— Сегодня волна хорошая, — сказал один.

— Да, — сказал второй. — Хорошая.

— Завтра будет хуже.

— Откуда знаешь?

— Птицы низко летят.

— Птицы всегда низко летят.

— Не всегда.

И замолчали.

Алекс слушал их и думал о том, что эти люди, наверное,

возят таких, как он, не первый раз. И не последний. И никогда не спрашивают. И никогда не вспоминают. Профессоры. В своём роде.

К расчётному времени он уже видел остров.

Сначала — точку на горизонте. Потом — полоску. Потом — клочок земли, серо-зелёный, с редкими пальмами, которые качались на ветру. Атолл Ва-Руа. Триста метров в поперечнике. Ни порта, ни причала, ни дорог. Только песок, камни и деревья.

И — если верить заказчику — восемь подземных уровней под этим песком.

Алекс смотрел на остров и не видел ничего. Ни лаборатории, ни охраны, ни теплового следа. Просто остров. Просто клочок земли в бесконечном океане. Идеальное место для того, чтобы что-то спрятать.

Лодка замедлила ход. Один из рыбаков повернулся к нему.

— Приехали.

Алекс встал. Поправил куртку. Проверил, на месте ли кейс. На месте ли нож. На месте ли идентификатор.

— Через двадцать шесть часов мы будем здесь снова, как и договаривались. Если тебя не будет — мы уйдём.

— А если я опоздаю?

— Тогда ты опоздал.

Алекс кивнул. Он не ждал другого ответа.

Он спрыгнул на мокрый песок. Лодка развернулась и по-

шла обратно. Он смотрел ей вслед, пока она не превратилась в точку, потом в ничто.

Потом повернулся к острову.

Он почти прибыл.

Оставалось самое простое и самое сложное.

Войти.

Глава 3

Остров Ва-Руа лежал в цепочке атоллов, затерянных в южной части Тихого океана. На картах он был помечен как необитаемая песчаная точка с мангровым пятном — и всё. Ни названия, ни координат для туристов, ни даже намёка на то, что там может быть что-то интересное. Просто точка. Просто пятно. Просто место, куда никто не плавает.

С моря он выглядел как открытка.

Белая кайма песка, тонкая, как ободок фарфоровой тарелки. Пальмы — кривые, наклонённые к воде, будто они вечно кланялись океану. Чёрный клин джунглей на холме — густой, непроглядный, как чернильное пятно на карте. Вода вокруг — бирюзовая, прозрачная, с белыми барашками на рифах. Где-то в глубине мелькали тени рыб. Где-то на поверхности качались птицы.

Красиво. Настолько красиво, что Алекс на секунду забыл, зачем он здесь.

Потом лодка ткнулась носом в песок, и он вспомнил.

Ночью остров выглядел иначе.

Ночью он был не открыткой, а чёрной пустыней. Песок терял белизну, пальмы превращались в скелеты, джунгли — в стену. Небо затянуло тучами, луна не пробивалась, и единственным светом были звёзды — далёкие, холодные, равнодушные. А из глубины острова доносились звуки.

Треск. Свист. Чавканье.

Что-то хрустело в кустах. Что-то шуршало в траве. Что-то чавкало в иле. Остров жил своей жизнью — ночной, скрытой, враждебной. И Алекс был здесь чужаком.

Когда он спрыгнул на берег.

Первый шаг закончился провалом.

Буквально.

Нога ушла в ил по колено. Алекс дёрнулся, попытался вытащить — не вышло. Ил держал крепко, как будто не хотел отпускать. Второй ногой он нащупал что-то твёрдое — корень, камень, — и перенёс вес. Потом рванул первую ногу. С усилием. С хрустом. С грязным, влажным звуком, который в тишине прозвучал особенно громко.

— Твою мать, — сказал Алекс.

Он сказал это тихо. Но в ночной тишине его голос прозвучал как выстрел. Где-то в кустах что-то встрепелось и убежало. Алекс проводил его взглядом — точнее, тем направлением, где, как ему показалось, что-то было. Потом посмотрел на ногу. Нога была в иле. Ил был в ботинке. Ботинок был новый. Ботинок стоил денег.

— Замечательно, — сказал Алекс. — Просто замечательное место.

Он сделал ещё шаг. Потом ещё. Ил хватал за ноги, как будто остров пытался его съесть. Алекс ругался. Тихо, но выразительно. Он знал много слов. Он знал их на трёх языках. И сейчас он использовал все три.

Потом он потерял нож.

Нож был в ножнах на голени. Левой. Когда Алекс вытаскивал ногу из очередной ямы с илом, ножны расстегнулись — то ли от рывка, то ли от грязи, которая набилась в замок. Нож выскользнул и упал в ил. Алекс не сразу заметил. Он заметил только через три шага, когда привычным движением руки проверил голень — и не нашёл.

— Нет, — сказал он. — Нет, нет, нет.

Он вернулся и решил поискать.

Через минуту он нащупал рукоять. Вытащил. Обтёр о штанину — насколько это было возможно. Проверил лезвие. Целое. Зазубрина на месте. Он вздохнул с облегчением и убрал нож обратно в ножны. Застегнул. Проверил. Ещё раз застегнул.

— Больше не теряйся, — сказал он ножу. — Ты мне нужен.

Нож не ответил. Нож был просто ножом.

Из ила поднялся краб.

Он был размером с тарелку. Большой, панцирный, с клешнями, которые выглядели как маленькие кусачки. Он вылез

из грязи медленно, важно, как будто делал одолжение. Встал на ноги — все десять. Посмотрел на Алекса.

Алекс посмотрел на него.

Краб не двигался. Краб явно считал себя хозяином положения. И, честно говоря, был прав. Алекс стоял по колено в иле, держась за дерево, мокрый, грязный, только что потерявший и нашедший нож. А краб стоял на твёрдой земле — или на том, что считал твёрдой землёй. И смотрел. И ждал.

Алекс вздохнул и улыбнулся.

— Слушай, — сказал он. — Я не хочу проблем.

Краб поднял клешню. Медленно. Угрожающе.

— Это не по уставу, — прошептал Алекс.

Краб не двинулся.

Десять секунд они смотрели друг на друга. Алекс — с высоты своего роста. Краб — с высоты своего панциря. Взгляды скрестились. Никто не отступал. Где-то в джунглях крикнула птица. Где-то в океане ударила волна. Где-то в иле что-то чавкнуло.

Краб сделал шаг вперёд.

Алекс сделал шаг назад. В воду. По колено. По пояс. Вода была холодной, но чистой. Ил остался позади. Краб остался на берегу.

— Ладно, — сказал Алекс. — Твоя взяла.

Краб победно опустил клешню. Развернулся. Ушёл в ил. Алекс смотрел ему вслед и думал о том, что, возможно, это был самый разумный разговор за последние сутки.

Он обошёл краба по воде. Медленно. Осторожно. Улыбаясь. Краб не обернулся.

Дальше начался тропический лес.

Алекс не любил джунгли. Он не любил их в армии, не любил на контрактах, не любил сейчас. Джунгли — это не красота. Это война. Война с растениями, которые хотят тебя запутать. С насекомыми, которые хотят тебя укусить. С воздухом, который хочет тебя задушить.

Лианы свисали с деревьев, как канаты. Толстые, гладкие, мокрые. Они цеплялись за плечи, за руки, за ноги. Алекс отталкивал их, рубил ножом, обходил. Но они были везде. Они были как щупальца. Как пальцы. Как руки, которых больше нет.

Папоротники поднимались выше человека. Огромные, раскидистые, с листьями, которые резали, как бритва. Алекс шёл через них, прикрывая лицо. Он чувствовал, как листья царапают кожу, как влага стекает по шее, как пот смешивается с дождём.

Воздух был густым. Не влажным — густым. Его можно было пить. Алекс открывал рот, чтобы вдохнуть, и чувствовал, как воздух вливается в лёгкие, как вода. Тёплый, тяжёлый, пахнущий гнилью и цветами. Он дышал и не мог надышаться. Он шёл и не мог идти.

На высоте тридцати метров холм держал облако. Одно-единственное, серое, пухлое. Оно не двигалось. Оно висело над холмом, как будто приклеенное. И из-за этого во-

круг постоянно шла морось. Мелкая, тёплая, бесконечная. Дождь, который не начинался и не заканчивался. Просто был.

Алекс поднял голову. Посмотрел на облако. Вода стекала по лицу, по очкам, по подбородку. Он не вытирал. Бесполезно.

Летучие мыши проносились над головой. Быстро. Бесшумно. Как будто кто-то высыпал мешок кожи. Они кружились вокруг облака, ловили насекомых, которых было миллионы. Иногда одна из них пролетала так близко, что Алекс чувствовал движение воздуха. Он не вздрагивал. Он привык.

Красиво. Наверное, это было красиво. Если смотреть со стороны. Если не быть здесь.

Через час ходьбы он нашёл следы.

Сначала он их не заметил. Просто шёл, раздвигал лианы, смотрел под ноги. Потом остановился. Не потому, что увидел — потому что почувствовал. Что-то изменилось. Воздух стал другим. Звук стал другим. Даже свет стал другим.

Алекс поднял голову.

Перед ним был бетонный шрам.

Ровная плита. Огромная, серая, идеально гладкая. Она лежала среди джунглей, как что-то чужеродное. Как что-то, что не принадлежало этому миру. Вокруг неё были вбиты сваи — толстые, металлические, с ровными краями. А джунгли, которые подступали со всех сторон, были срезаны под корень. Аккуратно. Чисто. Как будто кто-то пришёл с гигант-

ским ножом и отрезал всё лишнее.

Алекс стоял и смотрел.

Этого не было на картах. Этого не было в документах. Этого не должно было быть здесь. Но это было.

Он подошёл ближе. Плита была тёплой. Не горячей — тёплой. Как будто под ней что-то работало. Что-то жило. Что-то дышало.

Вдоль кромки плиты тянулся кабельный лоток. Металлический, с крышкой, с защёлками. Алекс присел. Провёл рукой. Лоток был закреплён на сваях, поднят над землёй, защищён от воды. Аккуратно. Профессионально.

Он достал сканер. Приложил к лотку. Подождал.

— Это энергия точно не для местной рыбацкой деревушки на другой стороне острова, — сказал он вслух.

Сканер показывал ток. Ровный, стабильный, без колебаний. Такой ток не могла дать местная генерация. Такой ток давала только серьёзная установка. Промышленная. Или военная.

Алекс убрал сканер. Встал. Посмотрел на лоток.

— Лаборатория, — сказал он. — Восемь этажей. Под землёй.

Он не удивился. Он знал, что найдёт это. Заказчик сказал. Спутники подтвердили. Но одно дело — знать. Другое — видеть.

Он пошёл по лотку.

Как по перилам. Ногами — по краю, руками — за крыш-

ку. Так было быстрее, чем продираться через джунгли. И безопаснее. Кабель был проложен по прямой, как стрела. Он вёл куда-то. Туда, где было что-то важное.

Каждые двести метров Алекс натыкался на датчики.

Они были врезаны в стволы деревьев. Маленькие, чёрные, с линзами. Они смотрели в разные стороны. Не в одном направлении — в разные. Как будто пытались угадать, откуда придёт вторжение. Как будто ждали.

Алекс останавливался. Осматривал. Обходил. Не касался. Не дышал. Потом шёл дальше.

Первая вышка с датчиками и камерами стояла на поляне. Металлическая, высокая, с антеннами и прожекторами. Алекс обошёл её по дуге. Не подходя. Не приближаясь. Вторая вышка была дальше.

Он подошёл к ней. Осторожно. Медленно. Посмотрел.

Вышка была направлена на тропу. На тропу, которой не было. Алекс видел это сразу. Камеры смотрели в никуда. Датчики слушали пустоту. Прожекторы освещали воздух. Кто-то — тот, кто ставил эту вышку, — ошибся. Или не знал. Или торопился.

Алекс улыбнулся. Одними губами.

Потом замер.

Из вышки донёсся звук. Тихо. Сдавленно.

Чих.

Алекс замер. Полностью. Не дышал. Не двигался. Рука сама потянулась к пистолету. Он ждал. Секунду. Две. Три.

Чих повторился. Потом шорох. Потом тишина.

Алекс подождал ещё. Потом медленно, очень медленно, подошёл ближе. Заглянул.

В вышке сидела обезьяна.

Маленькая, серая, с мокрой шерстью. Она забралась в корпус — за теплом. Приборы грелись, корпус был тёплым, обезьяна нашла место и уселась. Прямо на объектив камеры.

Алекс смотрел на неё. Обезьяна смотрела на него.

Она сидела ровно. Не двигалась. Её задница закрывала объектив полностью. Всё охранное видео этой зоны — всё, что записывалось прямо сейчас, — было мокрой шерстью на заднице обезьяны.

Алекс хмыкнул.

— Ну, — сказал он тихо. — Хотя бы кто-то здесь работает.

Обезьяна не ответила. Она просто сидела и грелась. Алекс сделал вид, что так и задумано. Он не стал её прогонять. Не стал трогать. Просто пошёл дальше. Пусть сидит. Пусть греется. Пусть охраняет.

К рассвету дождь кончился.

Облако над холмом всё ещё висело, но морось прекратилась. Небо на востоке посветлело. Серое стало розовым, розовое — золотым. Остров включил звук.

Птицы. Стрекот. Плеск прибоя.

Алекс остановился. Послушал. Впервые за всю ночь он услышал не угрозу, а жизнь. Птицы пели. Насекомые стре-

котали. Волны били о берег. Всё это было. Всё это было всегда. Просто ночью он не слышал.

Он пошёл дальше.

Лоток вёл его вверх. По склону холма. Через заросли. Через камни. Через корни. Алекс шёл, не останавливаясь. Он устал. Но усталость была привычной. Он не думал о ней. Он просто шёл.

Потом лоток кончился.

Он уходил под землю.

Алекс остановился. Посмотрел. Перед ним был технический люк.

Металлический. Квадратный. Вросший в землю. С петлями, с замком, с ручкой. Рядом — вентиляционная решётка. Из неё шёл тёплый воздух. Пахло машинным маслом и чем-то ещё. Чем-то химическим.

Алекс присел. Посмотрел на люк.

На люке была эмблема.

«Гелиос-Дайн».

Он знал эту эмблему. Видел её на документах, на фотографиях, на корпоративных сайтах. Солнце с лучами, стилизованное под древний символ. Красиво. Просто. Узнаваемо.

Алекс смотрел на эмблему и понимал: он нашёл именно то, что хотел.

Он достал сканер. Приложил к замку. Замок был электронный. С биометрией. С кодом. С защитой. Алекс посмотрел на свои руки. На правую. На систему взлома.

— Ну что ж, — сказал он. — Пора.

Он уже собирался вскрыть люк, когда сканер пискнул.
Радиосигнал.

Алекс замер. Посмотрел на сканер. Частота. Служебная.
«Гелиос-Дайн». Кто-то вышел в эфир. Кто-то из охраны.
Случайно. Перебирая частоты. Или проверяя оборудование.
Или просто скучая. И что хуже, не случайно.

Сигнал был коротким. Тестовым.

«Проверка связи».

Глава 4

Алекс сидел неподвижно.

Тридцать минут.

Он сидел на корточках у технического люка, привалившись спиной к бетонной плите, и смотрел на сканер. На маленький экран, где горели четыре слова.

«Проверка связи».

Больше ничего. Ни адресата. Ни отправителя. Ни кода. Ни имени. Просто «проверка связи». Как будто кто-то — где-то — вышел в эфир, нажал кнопку и забыл.

Алекс перечитал сообщение. Потом ещё раз. Потом ещё.
Первые пять минут он думал, что это ловушка.

Логика была простая. Кто-то знает, что он здесь. Кто-то ждал его появления. Кто-то вышел в эфир именно в тот момент, когда он подошёл к люку, — не раньше, не позже. Это

не могло быть совпадением. Совпадений в его работе не бывает. Совпадения — это то, во что верят туристы и журналисты. Алекс верил в другое. Алекс верил в расчёты.

Он проверил частоту. Служебная. Стандартная для «Гелиос-Дайн». Такая же, как у сотен других объектов по всему миру. Ничего уникального. Ничего личного.

Он проверил время. Сигнал пришёл ровно в четыре семнадцать утра. Не круглое число. Не стандартное время проверки связи — обычно это шесть ноль-ноль или восемнадцать ноль-ноль. Четыре семнадцать — это случайность. Или намеренная случайность.

Он проверил мощность. Слабая. Сигнал шёл не из лаборатории — слишком слабый для подземного передатчика. Он шёл снаружи. С вышки. Возможно, с одной из тех вышек, которые Алекс обошёл ночью. Возможно, с той самой, где сидела обезьяна.

Алекс замер.

Обезьяна.

Он вспомнил её. Маленькую, серую, с мокрой шерстью. Она сидела на объективе камеры. Она грелась. Она чихала.

А если там, была не только обезьяна?

Алекс отогнал эту мысль. Слишком. Слишком параноидально даже для него. Обезьяна была одна. Он видел её. Он слышал её. Он стоял в двух метрах от неё и смотрел, как она чешется.

Значит, сигнал — от кого-то другого.

Алекс перечитал сообщение в шестой раз.

Вторые пять минут он думал, что это ошибка.

Кто-то — охранник, техник, оператор — сидел на вышке. Ночь. Скука. Тишина. Он перебирал частоты. Он проверял оборудование. Он нажал кнопку. «Проверка связи». И забыл. И не ждал ответа. И не получил ответа.

Это было логично. Это было обычно. Это было скучно.

Алекс знал, как это бывает. Он сам сидел на таких вышках. В армии. В контрактах. Ночь, холод, скука. Ты делаешь бессмысленные вещи, чтобы не сойти с ума. Ты проверяешь связь, хотя знаешь, что никто не ответит. Ты нажимаешь кнопки, хотя знаешь, что они ничего не делают.

«Проверка связи» — это не приказ. Это ритуал. Это как постучать по дереву. Как плюнуть через плечо. Как сказать «ну, с богом» перед тем, как начать.

Алекс сам так делал. Много раз.

Четвёртые пять минут он думал о том, что не знает, что думать.

Он перебирал варианты. Один за другим. Ловушка. Ошибка. Провокация. Случайность. Ложный сигнал. Отражение. Помеха. Всё это было возможно. Всё это было логично. И всё это не объясняло одного: почему сигнал пришёл именно сейчас. Именно в этот момент. Именно в ту секунду, когда его рука потянулась к замку люка.

Алекс не верил в совпадения. Но он также знал, что иногда совпадения случаются. Иногда мир просто так устроен.

Иногда две вещи совпадают во времени, и в этом нет ни смысла, ни злого умысла. Просто совпало.

Он посмотрел на часы.

Прошло двадцать минут.

Пятые пять минут он просто сидел.

Не думал. Не перебирал. Не анализировал. Просто сидел. Дышал. Слушал.

Остров просыпался. Птицы кричали. Насекомые стрекотали. Волны били о берег. Где-то далеко — на другой стороне атолла — рыбаки, наверное, уже выходили в море. Где-то ещё дальше — на материке — люди ехали на работу. Где-то на орбите — на станции «Аврора-7» — туристы пили кофе и смотрели на голубой шар.

Алекс сидел у люка и слушал.

Последние пять минут он думал о том, что надо решать.

Тридцать минут — это много. Тридцать минут — это целая вечность в его работе. За тридцать минут можно уйти далеко. За тридцать минут можно спрятаться. За тридцать минут можно придумать план.

Алекс не ушёл. Не спрятался. Не придумал план.

Он просто убедил себя.

Сообщение было случайным. Оно пришло от кого-то, кто не знает о нём. Оно пришло от скучающего охранника, от уставшего техника, от человека, который просто нажал кнопку. Никто не знает, что он здесь. Никто не ждёт его у люка. Никто не готовит засаду.

Алекс поверил в это.

Не потому, что это было правдой. А потому что ему нужно было во что-то поверить. Потому что сидеть у люка вечно нельзя. Потому что работа ждала. Потому что деньги уже пришли на счёт — половина, вперёд, как он и просил. Потому что долги никуда не делись. Потому что правая рука требовала диагностики, на которую не было денег.

Алекс встал.

— Ладно, — сказал он тихо. — Пора.

Он подошёл к люку.

Люк был металлический. Квадратный, метр на метр, вросший в землю. Петли — толстые, кованые, покрытые ржавчиной. Ручка — простая, без замка. Эмблема «Гелиос-Дайн» — выбита на крышке, аккуратно, профессионально.

Алекс присел. Посмотрел на ручку. Потом на замок.

Замка не было.

Он замер.

Это было хуже, чем запертый люк.

Запертый люк — это нормально. Запертый люк — это ожидаемо. Запертый люк означает, что кто-то закрыл его и ушёл. Кто-то заботится о безопасности. Кто-то делает свою работу. Кто-то боится, что сюда кто-то войдёт.

Незапертый люк означал другое.

Незапертый люк означал, что кто-то открыл его и не закрыл. Или что кто-то собирался вернуться. Или что кто-то — внутри. Или что замок сломан. Или что замка никогда не

было. Или что тот, кто отвечает за этот люк, просто забыл. Просто не подумал. Просто не придавал значения.

Алекс не любил незапертые двери.

Он сидел на корточках и смотрел на ручку. Ручка была чистой. Не блестящей — чистой. Как будто её недавно трогали. Как будто кто-то открывал люк и закрывал его обратно. Много раз. Регулярно.

Алекс достал сканер. Приложил к крышке. Подождал.

Металл. Пустота под ним. Никаких сигналов. Никаких датчиков. Никаких ловушек. Ничего.

Он убрал сканер. Положил руку на ручку. Потянул.

Люк открылся легко. Слишком легко. Как будто петли были смазаны. Как будто кто-то следил за ними. Как будто кто-то хотел, чтобы этот люк открывался без усилий.

Алекс поднял крышку. Отвёл в сторону. Заглянул.

Под люком была темнота.

Техническая площадка.

Металлический настил, решётчатый, покрытый плесенью. Не той плесенью, которая растёт на хлебе, — другой. Чёрной, влажной, скользкой. Она покрывала решётку пятнами, как будто кто-то разлил чернила и забыл вытереть.

Алекс посмотрел вниз. Под настилом была шахта.

Чёрная. Круглая. Уходящая вниз. Глубоко. Так глубоко, что дна не было видно. Только темнота — плотная, густая, как вода.

Он включил приборы.

Первое: охранный контур. Нет.

Второе: движение. Нет.

Третье: излучение. Нет.

Четвёртое: звук. Нет.

Все четыре параметра говорили «пусто».

Алекс нахмурился.

Это было неправильно.

Не то чтобы невозможно — именно неправильно. В его работе «пусто» не бывает. В его работе всегда есть что-то. Тепло. Движение. Звук. Сигнал. Радиация. Вибрация. Что-то. Что-то, что говорит: здесь жизнь. Здесь работа. Здесь опасность.

А здесь было ничего.

Шахта была пуста. Совершенно. Идеально. Как будто её вырезали из мира и вставили обратно. Как будто она была не частью острова, а отдельной вселенной — холодной, тёмной, мёртвой.

Алекс нервничал.

Он не показывал этого. Он не позволял себе показывать. Но внутри — где-то глубоко, там, где жили инстинкты, — что-то сжалось. Что-то замерло. Что-то сказало: не ходи туда. Не надо. Не лезь.

Он не слушал.

Он никогда не слушал.

Он спустился на тросе.

Первый способ, каким умел. Единственный способ, каким

мог. Трос — тонкий, прочный, с крюком на конце. Крюк — за сваю. Трос — в руках. Ноги — на стену. Тело — вниз.

Алекс спускался медленно.

Считал метры.

Один. Два. Три.

Темнота становилась плотнее. Воздух — тяжелее. Звук — глуше. Он слышал только своё дыхание и скрип троса.

Четыре. Пять. Шесть.

Стены шахты были не такими, как он думал.

Снаружи — да. Снаружи короб с кабелем, аккуратный, новый, блестящий. Снаружи «Гелиос-Дайн» — солидная корпорация, современные технологии, порядок. Снаружи всё было красиво.

Внутри было не красиво.

Внутри было сыро. Тепло. Стены покрыты слизью и ржавчиной. Слизь — зелёная, блестящая, живая. Ржавчина — рыжая, рыхлая, мёртвая. Они перемешивались, как будто кто-то нарисовал абстрактную картину и забыл её закончить.

Алекс смотрел на стены и думал.

Эту лабораторию строили не с нуля.

Он понял это сразу. Слишком очевидно. Слишком явно. Новый короб с кабелем — снаружи. Старая шахта — внутри. Кто-то пришёл на готовое. Кто-то нашёл заброшенный объект и построил на его основе что-то новое. Что-то секретное.

Алекс знал, как это делается. Он видел такое раньше. Военные объекты, старые шахты, заброшенные заводы — их не

сносят. Их используют. Их переделывают. Их прячут. Под новым слоем бетона — старый. Под новой краской — старая. Под новыми технологиями — старые кости.

Он спускался.

Семь. Восемь. Девять.

Капало.

Ровно. Монотонно. Как метроном.

Кап. Кап. Кап.

Алекс не обращал внимания. Первые тридцать секунд. Потом начал считать. Потом начал злиться. Потом начал ненавидеть.

Кап. Кап. Кап.

Одна капля в секунду. Ровно. Как часы. Как пульс.

Алекс стиснул зубы.

Кап. Кап. Кап.

Он спускался.

Десять. Одиннадцать. Двенадцать.

Пахло.

Железом. Ржавчиной. Гнилью. Влажной землёй. Мхом. Чем-то старым. Чем-то мёртвым. Чем-то, что не должно было пахнуть.

И ещё.

Обеззараживателем.

Алекс остановился. Повис на тросе. Принюхался.

Обеззараживатель. Химический. Резкий. Больничный. Так пахнет в операционных. Так пахнет в лабораториях. Так

пахнет там, где работают с чем-то опасным.

Обеззараживатель тут был ни к чему.

Он не вязался с ржавчиной. Не вязался со слизью. Не вязался с гнилью. Обеззараживатель — это чистота. Это контроль. Это порядок. А вокруг был хаос. Вокруг было запустение. Вокруг было что-то, что умерло давно и не было убрано.

Алекс нахмурился.

Обеззараживатель означал, что здесь что-то дезинфицируют. Регулярно. Постоянно. Кто-то приходит сюда с распылителем и обрабатывает стены. Кто-то боится. Кто-то знает, что здесь может быть что-то опасное.

Алекс продолжил спуск.

Тринадцать. Четырнадцать. Пятнадцать.

На глубине сорока метров он достиг дна.

Трос кончился. Ноги коснулись металла. Алекс отпустил трос. Присел. Осмотрелся.

Площадка.

Первая площадка для проверки оборудования. Так он понял сразу. Металлический настил, перила, стойки. Всё старое, покрытое ржавчиной и плесенью. Но всё ещё крепкое. Всё ещё рабочее.

Вдоль стен — канистры.

Пустые. Металлические. С надписью «Гелиос-Дайн. Биозащита». Аккуратный шрифт. Корпоративный логотип. Солнце с лучами.

Алекс подошёл. Посмотрел. Канистры стояли в ряд.

Шесть. Восемь. Десять. Все пустые. Все открытые. Все брошенные.

Рядом — инструменты.

Разбросанные. Как будто кто-то работал и ушёл. Гаечный ключ. Отвёртка. Молоток. Моток провода. Перчатки. Каска.

Алекс присел. Посмотрел на инструменты. Потрогал. Пыль. Не свежая — старая. Но не очень старая. Месяц. Может, два. Может, три.

Он встал. Посмотрел вокруг.

Такое чувство, что тут недавно была ремонтная команда. Но она ушла на обед, оставив свой инвентарь на месте, чтобы позже вернуться и продолжить что-то ремонтировать.

Алекс знал это чувство. Он видел такое на многих объектах. Люди уходят. Люди не возвращаются. Люди забывают. Люди бросают. Люди оставляют инструменты, канистры, перчатки, каски — всё, что не успели унести.

Но здесь было другое.

Здесь не было беспорядка. Здесь был порядок, который стал беспорядком. Инструменты лежали не как попало — они лежали так, как их положили. Ключ — рядом с тем, что он откручивал. Отвёртка — рядом с тем, что она открывала. Перчатки — там, где их сняли.

Люди ушли. Но они ушли не потому, что закончили работу. Они ушли потому, что их что-то прервало. Или кто-то их позвал. Не нравилось ему всё это.

Алекс поднял голову. Прислушался.

Снизу тянуло тёплым воздухом.

Он закрыл глаза. Сосредоточился. Да. Тёплый. Слабый, но постоянный. Вентиляция. Работает.

Значит, уровень живой.

Значит, внизу что-то есть. Что-то, что дышит. Что-то, что работает. Что-то, что потребляет энергию.

Алекс открыл глаза.

— Ладно, — сказал он тихо. — Идём вниз.

Он выключил внешний свет.

Фонарь на груди — маленький, яркий, удобный — погас. Стало темно. Совсем темно. Как в могиле. Как в шахте. Как в глубине.

Алекс моргнул. Очки переключились. Мир стал зелёным.

Ночное зрение. Встроенное. Работало хорошо. Стены — зелёные. Пол — зелёный. Канистры — зелёные. Всё — зелёное, с оттенками, с тенями, с глубиной. Как будто он попал в другой мир. Как будто он стал другим существом.

Алекс пошёл вперёд.

Коридор спускался. Медленно. Постепенно. Настил — под ногами. Перила — сбоку. Стены — по бокам. Слизь — на стенах. Кап — сверху.

Он шёл.

Метр за метром. Шаг за шагом.

Коридор был узким. Метр с небольшим. Алекс едва мог развернуться. Он не разворачивался. Он шёл вперёд. Только вперёд.

Воздух становился теплее. Пахло сильнее. Обеззараживатель — резче. Железо — тяжелее. Гниль — ближе.

Алекс шёл.

На глубине ста десяти метров шахта расширилась.

Коридор кончился. Стены разошлись. Потолок поднялся. Пространство стало больше. Алекс остановился. Посмотрел вперёд.

Впереди был свет.

Серый. Ровный. Служебный. Свет служебного освещения. Не яркий, не резкий, не слепящий. Просто свет. Такой, какой бывает в подземных переходах, в технических туннелях, в местах, где работают люди и не хотят, чтобы было темно.

Алекс посмотрел на приборы.

Охранный контур: нет.

Движение: нет.

Излучение: нет.

Звук: нет.

Всё ещё ноль. Всё ещё пусто. Всё ещё ничего.

Алекс нахмурился. Он не верил приборам. Он никогда не верил приборам. Приборы — это инструменты. Инструменты — это помощь. Помощь — это не замена. Замена — это глаза. Уши. Нос. Кожа. Инстинкты.

Алекс посмотрел вперёд. Послушал. Понюхал. Почувствовал.

Свет был. Значит, кто-то включил его. Значит, кто-то здесь есть.

Или был.

Алекс пошёл вперёд.

Он нашёл проём.

Маленький. В стене. Прикрытый решёткой. Металлической, ржавой, с ячейками размером с кулак. За решёткой — темнота. Не такая, как в шахте. Другая. Более глубокая. Более живая.

Алекс присел. Посмотрел. Прислушался. Ничего. Тишина.

Он взялся за решётку. Потянул. Решётка поддалась. Не сразу — с усилием, с хрустом, с металлическим скрежетом. Но поддалась. Он отогнул её в сторону. Открыл проём.

Проём был узким. Алекс протиснулся боком. Плечо — вперёд. Голова — следом. Тело — за ними. Он вывалился на другую сторону и присел на корточки.

Технический балкон.

Металлический. Решётчатый. С перилами. Высоко над полом. Метров десять. Может, пятнадцать. Может, больше.

Алекс поднялся. Посмотрел вниз.

И замер.

Секретный комплекс.

Он был огромным.

Алекс стоял на балконе и смотрел вниз, и то, что он видел, не укладывалось в голову. Под ним был зал. Огромный зал. Высотой в пять этажей. Шириной — в сотню метров. Длинной — в две сотни. Ярусы, фермы, трубы. Трубы толщиной

с человека. Фермы, переплетённые, как паутина. Ярусы — один над другим, один над другим, один над другим. И коридоры, которых было много, и они уходили в разные стороны от этого помещения.

Всё это было серым. Металлическим. Промышленным. Всё это было чужим.

Алекс смотрел и считал.

Первый ярус. Второй. Третий. Четвёртый. Пятый.

Пять ярусов. Пять уровней. Восемь этажей, как говорил заказчик. Может, восемь. Может, больше. Алекс не мог сосчитать точно. Он видел только то, что видел. А видел он много.

Трубы. Толстые, как стволы деревьев. Они шли вверх, вниз, в стороны. Они изгибались, поворачивались, пересекались. По ним что-то текло. Что-то тёплое. Что-то живое.

Фермы. Металлические. Переплетённые. Они держали ярусы, держали трубы, держали всё. Они были как скелет. Как рёбра. Как руки, которых больше нет.

Ярусы. Один над другим. С перилами, с настилом, с оборудованием. На каждом ярусе — что-то. Ящики. Контейнеры. Приборы. Всё серое. Всё металлическое. Всё чужое.

Алекс смотрел.

Внизу был ещё один уровень. Самый нижний. Пол. Бетонный. Чистый. Освещённый. И по этому полу ехал робот.

Робот-уборщик.

Маленький. Плоский. Круглый. Как тарелка. Как диск.

Как что-то, что не должно было быть здесь.

Он ехал медленно. Методично. Он мыл пол. Участок за участком. Полоса за полосой. Он доезжал до конца участка, разворачивался, ехал обратно и мыл снова.

Алекс смотрел на него двадцать секунд.

Робот мыл участок, где ничего не было. Просто бетон. Просто пол. Никакой грязи. Никаких следов. Никакой пыли. Просто пол. Но робот мыл. Упорно. Методично. Как будто от этого зависела его жизнь. Как будто это было самое важное дело в мире. Как будто он не замечал, что моет пустоту.

Алекс смотрел.

Потом очень тихо спустился.

Он спустился по лестнице. Быстро. Тихо. Ноги — на ступени. Руки — на перила. Тело — вниз. Он спускался, не отрывая взгляда от робота. Робот не замечал. Робот мыл.

Алекс спустился на нижний уровень. Встал на пол. Пошёл вперёд. Прямо на пути робота.

Робот ехал. Алекс стоял.

Робот доехал до него. Упёрся в ботинок. Остановился.

Алекс не двинулся.

Робот попытался объехать. Вправо. Влево. Вправо. Влево. Три попытки. Три неудачи. Алекс стоял. Алекс не двигался. Алекс смотрел.

Робот остановился. Пискнул. Вежливо. Вопросительно. Как будто спрашивал: «Извините, вы не могли бы подвинуться?»

Алекс не подвинулся.

Робот пискнул ещё раз. Потом — сдался. Он начал мыть вокруг ноги Алекса. Аккуратно. Кругами. Обходя ботинок. Не касаясь. Просто мыл. Просто делал свою работу.

Алекс смотрел на него.

— Вот это я понимаю профессионал, — прошептал он.

И впервые за сутки почти улыбнулся.

В этот момент, в этом большом зале, вспыхнул Свет.

Сразу. Весь. Везде.

Алекс не успел закрыть глаза. Он не успел ничего. Свет ударил в лицо — яркий, белый, слепящий. Как удар. Как взрыв. Как смерть.

Он зажмурился. Слишком поздно. Глаза горели. Очки — бесполезны. Ночное зрение — бесполезно. Всё — бесполезно.

Он стоял. Ослеплённый. Беспомощный.

И слушал.

Звук. Металлический. Механический. Массовый.

Стволы.

Они выползали отовсюду.

Из стен. Из ферм. Из-под потолка. Из ярусов. Из труб. Из темноты.

Они выползали медленно. Механически. Синхронно. Как будто кто-то нажал кнопку. Как будто кто-то ждал. Как будто кто-то знал.

Алекс открыл глаза. Мир был размытым. Пятна. Тени.

Контуры. Но он видел. Видел достаточно.

Стволы.

Автоматические охранные турели.

Их было много. Очень много. Больше, чем он мог сосчитать за одну секунду. Больше, чем он видел когда-либо. Больше, чем должно было быть.

Десять. Двадцать. Тридцать. Сорок. Пятьдесят.

Он не знал. Он не мог сосчитать. Они были везде. Они смотрели на него. Они ждали.

Алекс стоял.

Он не двигался. Он не дышал. Он не думал.

Он просто стоял.

Меня ждали, — успел подумать он.

— А вот и засада, мать её, — сказал он вслух.

Глава 5

Свет ударил так, что очки не выдержали.

На секунду — всего на секунду — визор ушёл в автоматическую защиту глаз. Не потому, что Алекс успел что-то нажать, не потому что он успел подумать. Сработали заводские настройки.

Стекло потемнело. Полностью. До черноты. До слепоты. На одну секунду.

Алекс в этот момент не думал. Он уже падал.

Не назад, не вперёд — в сторону. Туда, где успел заме-

тить укрытие. Бетонная колонна. Широкая. Толстая. Одна из трёх что были в этом зале. Он запомнил их, когда спускался. Профессиональная привычка — считать укрытия. Даже когда всё спокойно. Даже когда ничего не предвещает. Особенно когда ничего не предвещает.

Он упал на плечо. Перекатился. Вскочил. Прижался спиной к бетону. Всё это — за полторы секунды. Меньше, чем нужно, чтобы моргнуть. Больше, чем нужно, чтобы умереть.

Очки ожили. Мир вернулся. Серый. Резкий. Яркий. Слишком яркий. Но вернулся.

Алекс дышал. Ровно. Медленно. Считал.

Один. Два. Три.

Сердце билось как надо — редко. Шестьдесят два удара в минуту. Он знал это, потому что очки знали это. Они всегда знали. Они знали о нём больше, чем он сам.

— Отлично, — сказал он тихо. — Вляпался.

Охранные турели выезжали.

Медленно. Из потолка. На магнитных кронштейнах. Они выползали из люков — замаскированных, незаметных, встроенных в серый бетон так, что их не отличить от стен. Они выезжали синхронно. Все. Одновременно. С одинаковой скоростью. С одинаковым наклоном.

В этом синхроне было что-то оскорбительное.

Алекс смотрел на них и чувствовал, как внутри поднимается что-то холодное. Не страх. Страх — это эмоция. Это то, что мешает. Это то, что убивает. Алекс не боялся. Алекс

злился.

Их корпуса были короткими. Чёрными. Матовыми. С красной линией — тонкой, яркой, злой — которая шла по всей длине. Прицельный лазерный луч. Он не светил постоянно — он мигал. Импульсами. Как будто турели переговаривались друг с другом. Как будто они советовались. Как будто решали, кто из них выстрелит первым.

Стволы были разведены в спарку. Два на каждую турель. Чёрные. Гладкие. С отверстиями, которые смотрели прямо на Алекса.

Стволы начали раскручиваться.

Медленно. Сначала — едва заметно. Потом — быстрее. Потом — с гулом, низким, вибрирующим, который отдавался в бетоне. Они готовились. Они не торопились. Они знали, что никуда не денется.

Алекс смотрел на них из-за колонны.

— Меня точно ждали, — сказал он тихо. — А значит, данные о том, что я тут буду, кто-то всё-таки слил.

Он прижался к колонне. Чувствовал бетон. Холодный. Шершавый. Живой. Бетон был единственным, что отделяло его от смерти.

— Всё-таки чутьё меня не подвело, — продолжил он.

Он говорил сам с собой. Не потому, что боялся. Потому что думал. Потому что слова помогали думать.

Он посмотрел на руки. На левую. На правую. На металл. На холод.

— Ладно, — сказал он. — Поиграем.

Стрельба началась без предупреждения.

Потому что предупреждать тут было некого. Турели не разговаривают. Турели не спрашивают. Они просто стреляют.

Первый залп ушёл в пол.

Бетон вспух белыми воронками. Осколки полетели в стороны. Пыль поднялась столбом. Звук ударил по ушам — не громкий, а плотный, тяжёлый, как будто кто-то бил молотом по голове. Алекс почувствовал вибрацию. Не услышал — почувствовал. Она прошла через колонну, через спину, через кости.

Турели не целились в него. Они целились в пол перед ним. Они не хотели убить сразу. Они хотели заставить двигаться. Выгнать. Выкурить.

Алекс понял это за секунду. Одна секунда — это много. Одна секунда — это жизнь.

Он прижался плотнее. Колонна начала рассыпаться.

Первые попадания — сверху. Бетон крошился. Кусочки падали на плечи, на голову, на руки. Пыль забивалась в нос, в рот, в лёгкие. Алекс не закрывал глаза. Он смотрел. Смотрел на колонну. На трещины. На то, как они растут.

Он считал.

Первый цикл. Залп. Пауза. Второй цикл. Залп. Пауза. Третий цикл.

На четвёртом — он двинулся.

Рывок. Не бег — рывок. Тело — вперёд. Ноги — от бетона. Руки — к следующей колонне. Он перепрыгнул. Не по прямой — по дуге. Чтобы сбить прицел. Чтобы дать турелям секунду на перерасчёт. Одна секунда — это много.

Он упал за вторую колонну. Прижался. Дышал.

Турели повернулись.

Медленно. Синхронно. Все. Одновременно. Стволы поехали в сторону. Красные линии замелькали быстрее. Они искали. Они нашли.

И начали крушить второе укрытие.

Алекс прижался затылком к прохладной стене.

Бетон был холодным. Приятным. Живым. Он держал. Пока держал.

Сердце билось как надо. Редко. Шестьдесят два. Может, шестьдесят. Может, пятьдесят восемь. Алекс не смотрел. Он чувствовал.

Он посмотрел вверх.

Почти прямо над его головой — в потолке — открывались ещё люки. Медленно. Замаскированные. Незаметные. Он бы не увидел их, если бы не смотрел. Если бы не ждал. Если бы не знал, что они там есть.

Из люков выезжали ещё турели, как будто тех, что уже в него стреляли, было мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.